

Федор Кузьмич Ярмолич
(Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук)

Цензура и цензурируемые в СССР в 1920-е – 1930-е гг. (на материалах Ленинграда)

Słowa kluczowe: cenzura, Leningrad, publikacje drukowane, ZSRR.
Keywords: censorship, Leningrad, prints, USSR.

Советская цензура относится к таким историческим темам, которые для массового читателя, а порой и для профессионального историка, представляются «простыми» и «ясными». С определенной долей условности представление о цензуре можно охарактеризовать следующим образом – с одной стороны, были цензоры, которые руководствовались определенными инструкциями и запрещали материал, а, с другой, писатели, поэты, журналисты, которые испытывали на себе этот цензурный пресс. Безусловно, всякое распоряжение цензора выполнялось неукоснительно. Но не следует спешить с выводами и суждениями...

Изучение советской цензуры с привлечением широкого круга источников, прежде всего архивного материала, стало возможным после 1991 г. За это время опубликовано большое количество работ, в которых рассматривается как региональный материал, так и общесоюзный¹. Несмотря на такую серьезную работу, все же говорить о том, что история советской цензуры изучена не представляется возможным. Не вдаваясь в детальный анализ российской историографии, приходится констатировать, что требует дальнейшего изучения организационный, кадровый, финансовый и функциональный анализ советской цензуры, как на

---

¹ Обстоятельный историографический обзор дал в своей монографии М.В. Зеленев, *Аппарат ЦК РКП(б) – ВКП(б), цензура и историческая наука в 1920-е годы*, Niżny Nowogród 2000, ss. 540. Свообразным продолжением летописи об исследовательских работ, посвященных советской цензуре, стал коллективный библиографический обзор: *Исследования по истории советской цензуры, опубликованные в 2000 – 2011 гг.*, оргас. М.В. Зеленев, Ф.К. Ярмолич, [w] *Цензура в России: история и современность. Сборник научных статей*, t. 6., red. М.Б. Конашев, Sankt Petersburg 2013, s. 410 – 462.

государственном, так и на региональном уровнях. Например, до сих пор не восстановлен весь круг учреждений и организаций, которые были вовлечены в цензурный процесс; нет четкого понимания механизма цензурирования; довольно поверхностно понимание взаимоотношения цензора и деятелей науки, культуры и работников средств массовой информации. Перечисление круга проблемных вопросов можно было бы продолжать, но это не входит в задачи статьи. Хотелось бы только подчеркнуть, что поле исследования еще достаточно обширно и самое главное до сих пор историки не смогли собственно оценить величину и границы этой исторической проблем.

Одним из аспектов советской цензуры, к которым российская историография в 1990-е и в 2000-е гг. проявила особый интерес, стала ее функциональность. Т.М. Горяева обратила внимание на контрольно-запретительные и полицейские функции², С.А. Дианов дополнил этот список формирующей, эталонизирующей, профилактической, осведомительной, манипулятивной областями деятельности цензоров³. М.В. Зеленов начал разрабатывать совершенно не исследованный до сих пор аспект работы цензоров: «работники Литов (цензоры.- Ф.Я.) отражали интересы не только цензуры, но и всех слоев населения. ... Главлит являлся мощным транслятором общественных настроений в области литературы и искусства»⁴.

Мнение М.В. Зеленова интересно с методологической точки зрения, поскольку предлагает рассматривать органы цензуры как способ, возможность изучения советского общества в целом.

Анализ архивного материал позволяет утверждать, что очерченный круг поля деятельности цензуры выше отмеченными историками еще несколько шире, поэтому необходимо продолжить выявлять функциональное значение контролирующих органов, поскольку это может помочь в понимании советской действительности в целом.

Региональный материал, в частности, архивы Санкт-Петербурга позволяют в деталях изучить работу ленинградского отделения Главлита⁵, обнаружить казалось бы незначительные сюжеты, которые, несмотря на это, обогащают понимание цензуры.

Изучая вопрос информационного обмена между СССР и Европой в 1920-е - 1930-е гг., через призму работы Леноблгорлита, выявляются интересные особенности. Среди цензоров существовало понимание, что иностранные издания ни когда не будут соответствовать требованиям советской цензуры. Такое положение дел привело к адаптации цензурных норм к печатной продукции, приходящей в СССР из-за рубежа: «основным моментом для допущения, или не допущения газет (иностраннх.- Ф.Я.) служит степень тенденциозности их сообщений о Советской

² Т.М. Горяевой, *Политическая цензура в СССР. 1917 - 1991 гг.*, 2 wyd., popr, Moskwa 2009, s.138

³ С.А. Дианов, *Органы Главлита на Урале в межвоенный период (1920 - 1941 гг.)*, Perm 2011, s. 45 - 46.

⁴ М.В. Зеленов, *Высший цензурный комитет СССР между властью и обществом в 1920-е - 1930-е годы*, [w] *Цензура и доступ к информации: история и современность. Тезисы докладов международной научной конференции Санкт-Петербурге, 16 - 18 марта 2005 г.*, red. М.Б. Конашев, Sankt Petersburg 2005, s. 70.

⁵ Подробный анализ работе Иностранного отдела Леноблгорлита (структура, кадровый состав, финансирование и цензурирование печатной продукции) нашли свое отражение в статье Ф.К. Ярмолич, *Иностраный отдел Ленинградского отделения Главлита в 1920-е - начале 1930-х гг.* [w] *История книги и цензура в России. Третьи Блюмовские чтения: материалы III междунар. науч. конф., посвящ. памяти А.В. Блюма, 27 - 28 мая 2014 г.*, red. М.В. Зеленов, Sankt Petersburg 2015, s.195 - 203

России и степень вреда, которые эти сообщения могут принести; причем всегда учитывается, что все эти газеты ни в какой мере не сочувствуют коммунизму, а потому и требования к ним предъявляемые не могут быть теми же, как требования, предъявляемые обычно к изданиям, выходящим в Советской России»⁶.

В Советский Союз поступала из-за границы не только печатная продукция, но и кино, которое тоже проходило цензурную проверку. Цензоры отмечали, что собственное создание кинокартин в СССР пока еще только налаживается, поэтому число зарубежных кинокартин в прокате доминирует, но содержание иностранной кинематографа чуждо советской идеологии и переполнено «обывательщиной и мещанским духом».

В этих условиях задача Репертуарного комитета состояла в удалении (орган цензуры, отвечающий за театральную и кинематографическую цензуру) из поступающих картин наиболее «вредные места», а в оставшемся материале, необходимо было изменять текст.

Более того, местные цензоры в зависимости от социальной принадлежности посетителей кинотеатров, их политических взглядов сами должны были решать вопрос о возможности или не возможности демонстрации кинокартины, разрешенных центральными органами цензуры⁷.

Советская цензура реализовывала меры по обеспечению охраны экономических интересов СССР. Н.Н. Клепиков, изучая материалы политической цензуры на Европейском Севере РСФСР/СССР в 1920-е – 1930-е гг., обратил внимание на комплекс мероприятий, направленных на обеспечение сохранности информации, касающейся экспортной политики СССР⁸.

Усматривается влияние цензуры и на внутренний рынок Советского Союза. В частности, работникам Леноблгорлита при просмотре объявлений иностранных торговых и промышленных фирм вменялось в обязанность запрещать к публикации объявления, касающиеся предметов широкого потребления, а также прейскуранты, рекламу и каталоги на них, которые могут поступать в СССР в посылках. Отмечалось, что запрещалось публиковать сведения о предметах, которые могут быть отправлены почтой, которые, в свою очередь, могут нарушить правила монополии внешней торговли. Давался и общий критерий, правда, достаточно размытый, по которому мог быть запрещен к ввозу на территории Советской России любой товар: «рекламирующие заграничные издания на иностранных и русском языках, которые по содержанию своему не допускаются к распространению в пределах СССР».

В свою очередь, разрешалось публиковать объявления иностранных фирм на товары, предназначенные для оптовой продаже, если они не противоречили декрету о монополии внешней торговли.

---

⁶ Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (далее ЦГАЛИ СПб), *zesp.* 31, *inw.* 2, *sygn.* 17, к. 1а – 1а в., Письмо №165/с Петроградскому обллитму от зам. зав. Главлитом Сперанского от [числа в документе не видно. - Ф.Я.] августа 1923 г.

⁷ ЦГАЛИ СПб, *zesp.* 31, *inw.* 2, *sygn.* 20, к. 3, Инструктивное письмо №1457 всем Гублитам от зав. Главлитом Лебедева-Полянского от 31 июня 1923 г.

⁸ Н.Н. Клепиков, *Политическая цензура на Европейском Севере РСФСР/СССР в 1920 – 1930-е гг.: автореферат дис. ... канд. ист. наук.*, Archangielsk 2003, s. 18.

В случаях сомнения о возможности разрешения или запрещение публикации сведения об иностранном товаре рекомендовалось цензорам обращаться в Наркомторг⁹.

Органы цензуры должны были недопускать до широкого круга читателей информацию об экономическом сотрудничестве СССР с европейскими странами. Несмотря на экономическую блокаду, которую ввели против Советской России после 1917 г. и которая реализовывалась в начале 1920-х гг.¹⁰, стремление к экономическому сотрудничеству между СССР и западным миром и США сохранялось. Правда, знать об этом гражданам страны было необязательно: «не пропускали в печать никаких сообщений о предстоящем приезде в Россию американского нефтепромышленника Синклера»¹¹.

Удачная реализация внешнеполитических акций в определенной степени зависит от информации о внешнеполитической деятельности, которая циркулирует внутри страны. Подчас не вовремя опубликованные сведения могут существенно осложнить ее выполнение и поставить органы, отвечающие за внешние сношения в трудное положение. Поэтому цензорам вменялось в обязанность контролировать и этот пласт информационного пространства.

Правда, эта обязанность не всегда выполнялась добросовестно: «Главлит обращает Ваше внимание на то, что издаваемая в Ленинграде “Красная Газета” (особенно в вечерних своих выпусках) печатает, в погоне за сенсацией, разные сведения из области нашей внешней политики, без согласования их с Уполномоченным Наркоминдела в Ленинграде.

В частности, совершенно недопустимым, по заявлению Наркоминдела, является самовольное оглашение (в вечернем выпуске “Красной Газеты” от вторника 27 октября) сведений о не состоявшемся еще в это время назначении тов. Раковского и об ожидающемся освобождении германских студентов-фашистов.

Считая протест Наркоминдела вполне правильным, Главлит просит Вас обратить внимание Политредакторов Гублита, а также редакторов Ленинградских газет на то, что ни одно сообщение, касающееся вопросов нашей международной политики, не может быть напечатано, если таковое не исходит от “ТАСС” или не имеет специальной на то визы Уполномоченного в Ленинграде.

Несоблюдение этого порядка должно повлечь за собой привлечение виновных к самой серьезной ответственности»¹².

Органы цензуры выполняли и аналитические функции. Они должны были определять тональность и отношение того или иного издательства к СССР. Из вводных замечаний “Обзора буржуазной прессы” за 1-й квартал 1931 г. становится ясно, что подобный вид работы органами цензуры выполнялся в 1920-е гг., но в конце второго десятилетия XX века, он был прекращен. Вновь эта работа возобновляется в 1931 г.

⁹ ЦГАЛИ СПб, zesp. 31, inw. 2, sygn. 43, cz. 2, k. 499, Правила по просмотру объявлений иностранных торговых и промышленных фирм от 22 июня 1926 г.

¹⁰ В.А. Шишкин, *Советское государство и страны Запада в 1917 – 1923 гг. (очерки истории становления экономически х отношений)*, Leningrad 1969, ss. 439.

¹¹ ЦГАЛИ СПб, zesp. 31, inw. 2, sygn. 1, k. 72, Заведующему Ленгублита от члена Коллегии [Главлита] от 11 июня 1923 г.

¹² ЦГАЛИ СПб, zesp. 31, inw. 2, sygn. 43, cz.1, k. 81, Письмо исх. №1/с в Главлит от завед. Гублитом от 14 сентября 1925 г.

В первом номере “Обзора...” отмечалось, что «сводки базируются исключительно на материалах, взятых из запрещенных цензурой журналов и газет, и освещает определенный круг вопросов – именно, вопросы, касающиеся СССР, его внутренней и внешней политики, хозяйства, социального и культурного строительства, деятельности и характеристики наших вождей и т.п. Сводка не претендует и в этой области на исчерпывающую полноту, т.к. в распоряжении ее составителей имеется лишь пресса, прибывающая в Ленинград, однако все основные моменты, являющиеся предметом обсуждения буржуазной печати всех направлений, находят в ней отражение»¹³. Первый номер сводки состоял из 56 страниц папирусной бумаги формата А4. Составители пошли по самому легкому пути, группируя печатный материал по странам. В начале составили обзор включили прессу Германии, потом Франции, Англии, Соединенных Штатов, скандинавской прессы (Швеции, Дании, Норвегии) и Япония.

Начиная с июльских номеров 1931 г. структура “Обзоров буржуазной прессы” усложнилась и ранжировалась на отделы: 1. Буржуазная пресса об СССР; 2. Социал-фашистская печать об СССР; 3. Международная информация; 4. Библиография¹⁴.

В 1920-е гг. в СССР поступало значительное количество религиозной¹⁵ и философской литературы. Например, на столе у советского читателя лежала книга О. Шпенглера «Закат Европы», правда, разрешение печатать ее в Советской России было получено только после написании к ней «политического предисловия»¹⁶.

Вместе с этим существовали издания, которые разрешались для распространения без предварительного просмотра в органах цензуры: «Идущие в адрес редакции журнала “Красная Кооперация” (наб. Рошалья, 8) иностранные периодические издания по кооперации могут быть пропускаемы в I экз. для индивидуального пользования, без представления на просмотр.

Идущая в адрес Торговой Палаты газета (название от руки вписано на немецком языке.- Ф.Я.) может быть пропускаема на таких же условиях»¹⁷.

Информация поступала не только из-за границы в СССР, но и наоборот: «Петроградский областной Отдел Главлита сообщает, что с его стороны к пропуску за границу 49 учебников средней школы, препятствий не встречается»¹⁸.

Информационный обмен не прекратился и в 1930-е гг. Например, советские ученые публиковались в иностранных журналах. Перед советской промышленностью и наукой во второй половине 1930-х гг. стала серьезная проблема – коррозия металла. Научный же поиск ее решения осложнялся тем, что у ученых не было издания, где бы они могли обмениваться своими результатами и тем самым приблизиться к решению указанных трудностей. Поэтому часть научных работников публиковали результаты своих трудов в иностранных журналах¹⁹.

¹³ ЦГАЛИ СПб, zesp. 281, inw. 2, sygn. 13, k. 2.

¹⁴ ЦГАЛИ СПб, zesp. 281, inw. 2, sygn. 13, k. 60.

¹⁵ Более подробно об этом сюжете см. в указанной статье Ф.К. Ярмолича.

¹⁶ ЦГАЛИ СПб, zesp. 31, inw. 2, sygn. 2, k. 22, Письмо №6649 в петроградский окружной отдел Главлита от завед. Госиздатом от 23 октября 1922 г.

¹⁷ ЦГАЛИ СПб, zesp. 31, inw. 2, sygn. 28, k. 2 – 2 v., Письмо исх. №92/с в политконтроль ГПУ от зав. Гублитом от 2 июля 1924 г.

¹⁸ ЦГАЛИ СПб, zesp. 31, inw. 2, sygn. 18, k. 17, Письмо №26/с начальнику ГПУ от зам. зав. Петрооблитом от 16 февраля 1923 г.

¹⁹ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга

Взаимоотношение внутри страны между цензорами и цензурируемых также выстраивалось, испытывая противоречия и отступления от цензурных норм и правил.

С одной стороны, сотрудники ленинградской цензуры, изымая социальные, политические и экономические темы из несоветских изданий, делали их не интересными для общественности города. Поэтому объемы продаж частных газет, журналов сокращались и со временем они сами без давления власти уходили из информационного пространства, поскольку не способны были экономически обеспечить свое существование²⁰.

С другой стороны, взаимодействие между цензурными органами и частными издательствами не сводились только к стремлению первых закрыть последние. Испытывая финансовые, кадровые затруднения государственные издательства не могли обеспечить публикаторскую деятельность на необходимом уровне, поэтому директивные органы привлекали для решения насущных задач частные издательства.

Например, в 1923 г. ленинградские цензоры должны были создавать условия, когда частные книжные издательства выполняли бы культурные функции, которые не могли исполнить Госиздат и другие партийные и советские органы печати²¹.

Непоследовательность в отношении к частным издательствам сохранялась на протяжении всех 1920-х гг. В "Протоколе №2 заседания Коллегии Областлита от 28-го января 1928 г."²² указывается, что Главлит (под ним стоит подразумевать власть в целом) в 1927/1928 гг. окончательно взял курс на вытеснение частных издательств. Однако, несмотря на указание Москвы к сокращению производственных планов для частных издательств в Ленинграде. Объем их печатной продукции в первом полугодии 1928 г. по сравнению со вторым полугодием 1927 г. увеличился на 57%.

Несмотря на то, что вопрос о закрытии ленинградских частных изданий окончательно был решен Главлитом в 1928 г., ленинградский Областлит ходатайствовал перед Москвой о сохранении ряда издательских организаций. Поскольку в них работали сотрудники с высоким уровнем профессионализма, так и потому что работа издательств имела и социальной аспект (закрытие повлекло бы за собой сокращение работников, а поскольку государственные издательства не в состоянии были предоставить работу, это привело бы к социальной напряженности). Возможно, работники Главлита прислушивались к аргументам своих коллег, поскольку издательства продолжали работу²³.

В сферу ответственности цензоров входило наблюдение за кооперативными, профсоюзными, ведомственными издательствами. Органы Главлита

(далее ЦГАИПД СПб), zesp. 24, inw. 9, sygn. 141, k. 6 v., Письмо в Областной комитет ВКП(б) от управляющего л/о электрохимет Семячкина (письмо составлено не ранее марта 1936 г.)

²⁰ ЦГАЛИ СПб, zesp. 281, inw. 1, sygn. 15, k. 33, Резолюция по докладу о работе Ленибллита (датируемая архивистами 1928 г.).

²¹ ЦГАЛИ СПб, zesp. 31, inw. 2, sygn. 1, k. 2, Письмо Главлита от 17 августа 1923 г. всем Обллитам и Гублитам.

²² ЦГАЛИ СПб, zesp. 281, inw. 1, sygn. 17, k. 2.

²³ ЦГАЛИ СПб, zesp. 281, inw. 1, sygn. 17, k. 9 - 9 v., Протокол №6 заседания Коллегии Областлита от 26-го III 1928 г.; Д.18, к. 5, Протокол №3 заседания Коллегии Областлита от 30-го XI 1928 г.

контролировали распространение технической информации, собирали данные о личном составе правления, связи издательств с общественными и политическими группами, как в Советской России, так и за границей²⁴.

В первой половине 1920-х гг. партийная печать не была под контролем цензурных структур. В июне 1926 г. в ленинградском Гублите предпринимается попытка распространить свое влияние и на партийно-советские издания, правда, для этого требовалось согласование с центральными учреждениями²⁵.

Вместе с политическим причинами запрета того или иного печатного издания органы Главлита в своей деятельности руководствовались и другими мотивами. В 1923 г. Главное управление по делам литературы и издательств направило в Областлиты и Гублиты письмо, в котором отмечалась необходимость, разрешая то или иное издание, руководствоваться не только политическими соображениями, но принимать в расчет экономические и педагогические цели²⁶.

Обращает на себя тот факт, что количество запрещенной литературы в 1920-е гг. был низок. Например, отчета Гублита за май 1926 г. отмечается, что из 589 рукописей книг и брошюр запрещено 15, т.е. 2,5%; из 730 разрешенных книг, брошюр и журналов – с «вычерками» прошло 34, т.е. 4,7%, с исправлениями и в сокращенном тираже – 2,5%. Около 30% общего числа (220 рукописей) посвящено социально-экономическим вопросам: хозяйству СССР – 78, военному делу, суду, государственному управлению – 50 (в отчете делается пометка, что эти две категории литературы главным образом принадлежат соответствующим ведомствам), политической и историко-революционной литературы – 46 рукописей (принадлежность партийным и Госиздату), педагогике – 33 (партийные, ведомственные и частные), научная литература – 8 и мировое хозяйство – 5 (добавить газеты и журналы)²⁷.

Особое внимание работники контроля уделяли книгам, статьям, которые были написаны лидерами ВКП(б), потерпевшими поражения во внутрипартийной борьбе в 1920-е гг. Так же печатная продукция, в которой приводились факты, выдержки из речей представителей различных политических уклонов, упоминались фамилии партийных оппозиционеров тоже не должно было доходить до читателя.

Однако реализация этих норм цензурирования не всегда проходила четко. Например, в 1937 г. в Ленинграде была напечатана книга участника революции и гражданской войны А. Шотмана «Как из искры возгорелось пламя», в ней не только указывались имена репрессированных руководителей партии (Троцкого, Зиновьева и т.д.), но и отмечалась их роль в революции. Конечно, книга последующим контролем была изъята, а цензор Гренлунд, допустивший ее издание, привлечен к административной ответственности²⁸.

²⁴ ЦГАЛИ СПб, zesp. 31, inw. 2, sygn. 1, k. 87 v., Циркулярное письмо. Областным отделениям Главлита и Политредакторам. Секретарь Петроглавлита Т. Борисова.

²⁵ ЦГАЛИ СПб, zesp. 31, inw. 2, sygn. 48, k. 125, Резолюция по докладу о работе Ленинградского Гублита (проект) (датируется архивистами июнем 1926 г.).

²⁶ ЦГАЛИ СПб, zesp. 31, inw. 2, sygn. 1, k. 2, Письмо Главлита от 17 августа 1923 г. всем Обллитам и Гублитам.

²⁷ ЦГАИПД СПб, zesp. 9, inw. 1, zw. 218, inw. 2603, k. 37 – 39, Отчет ленинградского Гублита за май 1926 г.

²⁸ ЦГАИПД СПб, zesp. 24, inw. 9, sygn. 181, k. 34 – 39.

К особой категории, так называемых политико-идеологических ошибок, относились опечатки, которые подчас придавали тексту совершенно иной политический смысл. К одним из многочисленных примеров подобного рода явлений в цензурной жизни следует отнести материал, который был задержан Леноблгорлитом в ноябре 1934 г.

В газете “Бежаницкая правда” цензурным органом были обнаружены политические искажения «в речи тов. Позерна вместо: “За последнее время многих сочувствующих растеряли” напечатано “многих сочувствующих расстреляли”». Подобный факт позволил сотруднику органов контроля заподозрить существования на типографии вредителя и первые обращения в НКВД с просьбой расследовать факты появления опечаток в прессе²⁹.

Появление опечаток в газетах Ленинграда в середине 1930-х г. вызывало особый интерес цензуры «за последнее время участились случаи появления в печати вредных опечаток, искажающих высказывания классиков, решений центральных партийных и советских органов, зачастую придающий им контрреволюционный смысл»³⁰.

Участие сотрудников органов Главлита в процессе политико-идеологического цензурирования позволяет обратиться к одному, на данный момент, весьма дискуссионному в историографии вопросу о роли Главлита в формировании идеологии. Т.М. Горяева считает, что Главлит был всего лишь исполнителем воли партии, ее мнение не разделяет М.В. Зеленев³¹.

Точка зрения последнего на примере Ленинграда подтверждается. Скорее всего, в 1926 г. произошло разделение функций Гублита и Комитета по делам печати. Первый должен был руководить печатью с позиций административно-политических, второй – организационной и финансово-хозяйственной³².

Возвращаясь к участию цензурных органов в процессе формирования идеологии можно привести еще один пример. 21 апреля 1937 г. цензор Копылев направил записку начальнику Леноблгорлита, в которой отмечалось, что при составлении брошюры “Два очага войны” ответственным редактором Грамматиковым не отмечена интервенции германского и итальянского фашизма в Испанию и шпионско-диверсантская деятельность японо-немецких троцкистских агентов. Отмечалось, что без доработки эту брошюру не целесообразно подписывать к печати³³.

Органы цензуры в области идеологического контроля следили за тем, чтобы в публикуемой, так сказать, идеологически верной литературы не появлялось информации искажающей смысл политических акций власти или социального явления. Так, в 1936 г. предварительной цензурой была задержана книга Вейца Леонидова “Стахановцы города Ленина” (отв. ред. Грамматиков). Причиной за-

²⁹ ЦГАЛИ СПб, zesp. 281, inw. 2, sygn. 27, k. 294, Уполномоченный НКВД Бежаницкого района от зам. начальника ОВЦ Гофберга от 6 ноября 1934 г.

³⁰ ЦГАЛИ СПб, zesp. 281, inw. 1, sygn. 96, k. 149, Приказ начальника Леноблгорлита Кочергина от 31 декабря 1935 г.

³¹ М.В. Зеленев, dz. cyt.

³² ЦГАЛИ СПб, zesp. 31, inw. 2, sygn. 48, k. 9, Положение о формах взаимоотношений отдела печати орг. и предприятиями печати и сов. органами, регулирующими работу печати.

³³ ЦГАИПД СПб, zesp. 24, inw. 9, sygn. 181, k. 18

держания стало то, что в ней имелись формулировки и аналогии, снижающие идейный уровень книги о стахановцах. Также задерживались книги, в которых не указывалась партийная и правительственная точка зрения. Так произошло с книгой “Плодоваягодный питомник” отв. ред. Михалека, которая не показала точки зрения ВКП(б) на работы Мичурина в области плодового растениеводства, для публикации этой монографии предлагалось внести соответствующие дополнения и т.д.³⁴.

Печатная продукция, не отвечающая существующим политико-идеологическим нормам, запрещались к публикации или же помещалась на хранение в специальные библиотечные хранилища (спецхран). Необходимо уточнить, что запрещенная литература читателям выдавалась, только их круг был ограничен. Например, имел место случай, когда ответственному секретарю Райкома ВКП(б) Петроградского района т. Соболеву была выдана книга Гитлера “Моя борьба”, но с обязательным ее возвращением после прочтения в Отдел военной цензуры при Леноблгорлите³⁵.

Несмотря на пристальное внимание к «политической и идеологической чистоте» во второй половине 1930-х гг. к информационному пространству, на страницах печатных изданий появлялись, как считали сами цензоры, «политически вредные высказывания, фельетоны и даже передовицы», при этом вина за появления этих не выдержанных в нужном идеологическом русле статей ставилась в вину редакторам этих газет³⁶. Однако вина не всегда лежала сотрудниках печатных органов.

Нередки были случаи, когда цензор сам разрешал к публикации не совсем «выдержанную» литературу. Более того, отмечены случаи, когда цензоры в аппарате запрещали издание, а уполномоченный при типографии его разрешал. Например, Областлит запретил печатать книгу Карлова “Кому поклоняется”, а уполномоченный в издательстве “Молодая гвардия” разрешил³⁷.

За публикацию своих произведений авторы боролись до конца. Если их запрещали органы цензуры в одном регионе страны, они печатались в другом. Например, публикация книги Рудь “Кондитер” ленинградским Областлитом была отклонена, тогда автор направил ее в Петрозаводск. Где получил разрешение на ее издание от карельских цензоров. И это был не единственный случай³⁸.

В современной литературе, посвященной советской цензуре, довольно часто акцентируется внимание на ее карательном аспекте (применение к авторам и редакторам уголовной и иной ответственности).

В статье Иванова “Предварительный контроль в Леноблите. (По материалам обследования бригады)”, опубликованной в Бюллетени Главлита

³⁴ ЦГАИПД СПб, zesp. 24, inw. 9, sygn. 181, k. 20 – 28 в., Обзор задержаний и вычерков по книжно-журнальной литературе Ленинградского Областного Издательства за 1936 год и 1-й квартал 1937 г.

³⁵ ЦГАЛИ СПб, zesp. 281, inw. 2, sygn. 27, k. 357, Ответственному секретарю Райкома ВКП(б) Петроградского района т. Соболеву от зав. секретной перепиской Отдела военной цензуры Гурджиева.

³⁶ ЦГАЛИ СПб, zesp. 281, inw. 1, sygn. 96, k. 149, Приказ начальника Леноблгорлита Кочергина от 31 декабря 1935 г.

³⁷ ЦГАЛИ СПб, zesp. 281, inw. 1, sygn. 15, k. 18, В Главлит от завед. Областлитом Энгеля от 16 января 1928 г.

³⁸ ЦГАЛИ СПб, zesp. 281, inw. 1, sygn. 15, k. 17, В Главлит от зав. Областлитом Энгельса от 6 февраля 1928 г.

РСФСР №4 за 1933 г. карательный аспект советской цензуры в Ленинграде характеризуется следующим образом: «плохо поставлено дело с привлечением к парответственности допустивших нарушения... В практике предварительного контроля Ленобллита не было случаев, когда бы Обллит поставил на партячейке Издательства вопрос о том или ином конкретном прорыве, еще существует полная безответственность, расхлябанность в привлечении к партийной ответственности, виновных в нарушении»³⁹ – при этом речь идет только о партийной ответственности, а об уголовной и не упоминается.

Наряду с отрицательными эпизодами в работе органов цензуры имело место и вполне созидающее начало. В обязанности региональных отделений Главлита входила задача ограничения в художественной литературе, искусстве, театре, музыке «потока бульварщины и макулатуры», однако появление такого рода изданий допускалось, при условии, что они не являются оппонентами советской власти⁴⁰. Очень интересный факт отмечает в своих воспоминаниях Елена Александровна Гилярова, работающая в органах ленинградской цензуры в 1933 – 1936 гг.: «в основном в это время [1933 г.- Ф.Я.] шла борьба с “серой книгой”. Случаи с запретом целого произведения были очень редки. [...] Велась борьба с натурализмом. Так в одном произведении о морях полностью воспроизводилась многоэтажная матросская ругань. Когда мы ввели ее в рамки цензуры, автор жаловался, что из его книги “душу вынули”»⁴¹.

Вместе с политико-идеологическим контроле важное значение придавалось и охране военно-экономических сведений.

При рассмотрении политико-идеологического контроля А.Ю. Горчева указывала, что: «Перечень сведений, составлявших тайну, рос не по дням, а по часам. В 1936 г. он включал 372 циркуляра, через год – еще 300»⁴². Однако необходимо иметь в виду то, что, наряду с политическими запретами, достаточно весомая часть запретов посвящалась военно-экономическим вопросам. Например, вменялось в обязанность цензорам обеспечить сохранность сведений, относящихся к «переучету руководящего состава запаса РККА, об экспорте советских тракторов за границу, в особенности, в страны Западной Европы. Также запрещалась опубликовывать сведения о «технических данных о германской фирме КРУППА или связанных с ней (эти же сведения запрещаются и в публичных выступлениях)»⁴³. Список запрещенной военной и экономической информации можно было продолжать, он бы занял не один десяток страниц.

Соприкасаясь с информационным пространством, цензура не только адаптировала значительный объем сведений к нормам и правилам, но и под влиянием обстоятельств изменяла последние. Эмпирический материал позволяет утверждать, что в определенной степени отношения, которые завязывались между

³⁹ ЦГАЛИ СПб, zesp. 281, inw. 1, sygn. 43, k. 116 v., Бюллетень Главлита РСФСР № 4 1933 г.

⁴⁰ ЦГАЛИ СПб, zesp. 31, inw. 2, sygn. 1, k. 2, Зам. зав. админ. инстр. п/отд. Петрооблита Петров от 17 августа 1923 г.

⁴¹ ЦГАИПД СПб, zesp. 4000, inw. 18, sygn. 355, k. 45.

⁴² А.Ю. Горчева, *Главлит: становление советской тотальной цензуры*, „Вестник московского университета” seria 10: *Журналистика*, 1992, № 2, s. 37

⁴³ ЦГАЛИ СПб, zesp. 281, inw. 2, sygn. 12, k. 5, Письмо №32/с от 26 марта 1931 г. всем уполномоченным Областлита от заведующего Областлитом Вальяно.

цензорами и цензурируемыми, можно рассматривать как в определенной степени партнерские. Если компромисс между двумя участниками информационного поля не находился, сотрудники печатных организаций игнорировали нормы цензуры, понимая, что за это будет наказание.

BIBLIOGRAFIA:

źródła

Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга:

- zesp. 31, inw.2, sygn. 17, k. 1a – 1a v., Письмо №165/с Петроградскому обллиту от зам. зав. Главлитом Сперанского от (d.b.) августа 1923 г.,
- zesp. 31, inw.2, sygn. 20, k. 3, Инструктивное письмо №1457 всем Гублитам от зав. Главлитом Лебедева-Полянского от 31 июня 1923 г.,
- zesp. 31, inw. 2, sygn. 43, cz. 2, k. 499, Правила по просмотру объявлений иностранных торговых и промышленных фирм от 22 июня 1926 г.,
- zesp. 31, inw. 2, sygn. 1, k. 72, Заведующему Ленгублита от члена Коллегии [Главлита] от 11 июня 1923 г.,
- zesp.31, inw.2, sygn. 43, cz. 1, k. 81, Письмо исх. №1/с в Главлит от завед. Гублитом от 14 сентября 1925 г.,
- zesp. 281, inw. 2, sygn. 13.
- zesp. 31, inw. 2, sygn. 2, k. 22, Письмо №6649 в петроградский окружной отдел Главлита от завед. Госиздатом от 23 октября 1922 г.,
- zesp. 31, inw. 2, sygn. 28, k. 2 – 2 v., Письмо исх. №92/с в политконтроль ГПУ от зав. Гублитом от 2 июля 1924 г.,
- zesp. 31, inw. 2, sygn. 18, k. 17, Письмо №26/с начальнику ГПУ от зам. зав. Петрообллитом от 16 февраля 1923 г.
- zesp. 281, inw. 1, sygn. 15, k. 33, Резолюция по докладу о работе Ленобллита (датируемая архивистами 1928 г.),
- zesp. 31, inw. 2, sygn.1, k. 2, Письмо Главлита от 17 августа 1923 г. всем Обллитам и Гублитам,
- zesp. 281, inw. 1, sygn. 17, k. 2,
- zesp. 281, inw. 1, sygn. 17, k. 9 – 9 v., Протокол №6 заседания Коллегии Областлита от 26-го марта 1928 г.,
- zesp. 281, inw. 1, sygn. 18, k. 5, Протокол №3 заседания Коллегии Областлита от 30-го ноября 1928 г.,
- zesp. 31., inw. 2, sygn. 1, k. 87 v., Циркулярное письма. Областным отделениям Главлита и Политредакторам. Секретарь Петроглавлита Т. Борисова,
- zesp. 31, inw. 2, sygn. 48, k. 125, Резолюция по докладу о работе Ленинградского Гублита (проект) (датируется архивистами июнем 1926 г.),
- zesp. 31, inw. 2, sygn. 1, k. 2, Письмо Главлита от 17 августа 1923 г. всем Обллитам и Гублитам,
- zesp. 281, inw.2, sygn. 27, k. 294, Уполномоченный НКВД Бежаницкого района от зам. начальника ОВЦ Гофберга от 6 ноября 1934 г.,
- zesp. 281, inw. 1, sygn. 96, k. 149, Приказ начальника Леноблгорлита Кочергина от 31 декабря 1935 г.,
- zesp. 31, inw., sygn. 48, k. 9, Положение о формах взаимоотношений отдела печати орг. и предприятиями печати и сов. органами, регулирующими работу печати,
- zesp. 281, inw. 2, sygn. 27, k. 357, Ответственному секретарю Райкома ВКП(б) Петроградского района т. Соболеву от зав. секретной перепиской Отдела военной цензуры Гурджиеваб,
- zesp. 281, inw. 1, sygn. 96, k. 149, Приказ начальника Леноблгорлита Кочергина от 31 декабря 1935 г.,
- zesp. 281, inw.1, sygn. 15, k. 18, В Главлит от завед. Областлитом Энгеля от 16 января 1928 г.,
- zesp. 281, inw.1, sygn. 15, k. 17, В Главлит от зав. Областлитом Энгельса от 6 февраля 1928 г.,
- zesp. 281, inw. 1, sygn. 43, k. 116 v., Бюллетень Главлита РСФСР № 4 1933 г.,
- zesp. 31, inw. 2, sygn. 1, k. 2, Зам. зав. админ. инстр. п/отд. Петрообллита Петров от 17 августа 1923 г.,

- zesp. 281, inw. 2, sygn. 12, k. 5, Письмо №32/с от 26 марта 1931 г. всем уполномоченным Областлита от заведующего Областлитом Вальяно,
- Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга:
- zesp. 24, inw. 9, sygn. 141, k. 6 v., Письмо в Областной комитет ВКП(б) от управляющего л/о электрохимет Семячкина (письмо составлено не ранее марта 1936 г.),
- zesp. 9, inw. 1, zw. 218. inw. 2603, k. 37 – 39, Отчет ленинградского Гублита за май 1926 года,
- zesp. 24, inw. 9, sygn. 181,
- zesp. 24, inw. 9, sygn. 181, k. 20 – 28 v., Обзор задержаний и вычерков по книжно-журнальной литературе Ленинградского Областного Издательства за 1936 год и 1-й квартал 1937 г.,
- zesp. 4000, inw. 18, sygn. 355.

literatura

- С.А. Дианов, *Органы Главлита на Урале в межвоенный период (1920 – 1941 гг.)*, Perm 2011.
- А.Ю. Горчева, *Главлит: становление советской тотальной цензуры*, „Вестник московского университета” seria 10: Журналистика, 1992, № 2.
- Т.М. Горяевой, *Политическая цензура в СССР. 1917 – 1991 гг.*, 2 wyd., popr, Moskwa 2009, s.138
- Ф. К. Ярмолич, *Иностранный отдел Ленинградского отделения Главлита в 1920-е – начале 1930-х гг.* [w] *История книги и цензура в России. Третьи Блюмовские чтения: материалы III междунар. науч. конф., посвящ. памяти А.В. Блюма, 27 – 28 мая 2014 г.*, red. М.В. Зеленов, Sankt Petersburg 2015, s. 195 – 203.
- Н.Н. Клепиков, *Политическая цензура на Европейском Севере РСФСР/СССР в 1920 – 1930-е гг.*: автореферат дис. ... канд. ист. наук., Archangielsk 2003.
- В.А. Шишкин, *Советское государство и страны Запада в 1917 – 1923 гг. (очерки истории становления экономических отношений)*, Leningrad 1969, ss. 439.
- М.В. Зеленов, *Аппарат ЦК РКП(б) – ВКП(б), цензура и историческая наука в 1920-е годы*, Niżny Nowogród 2000, ss. 540.
- Исследования по истории советской цензуры, опубликованные в 2000 – 2011 гг.*, oprac. М.В. Зеленов, Ф.К. Ярмолич, [w] *Цензура в России: история и современность. Сборник научных статей*, t. 6., red. М.Б. Конашев, Sankt Petersburg 2013, s. 410 – 462.
- М.В. Зеленов, *Высший цензурный комитет СССР между властью и обществом в 1920-е – 1930-е годы*, [w] *Цензура и доступ к информации: история и современность. Тезисы докладов международной научной конференции Санкт-Петербург, 16 – 18 марта 2005 г.*, red. М.Б. Конашев, Sankt Petersburg 2005.

Streszczenie

Fiodor Kuźmicz Jarmolicz

Cenzura i cenzurowani w ZSRS w l. 20- i 30-ch (na materiałach Leningradu)

W artykule analizuje się interesujący aspekt życia w ZSRS – stosunki cenzorów i cenzurowanych. Do analizy tego fenomenu został wybrany Leningrad. Na jego przykładzie widać jak pod wpływem pola informacyjnego zmieniają się wymagania cenzury. Między innymi cenzorzy utwierdzają się w przekonaniu, że zagraniczne publikacje nigdy nie będą odpowiadały normom sowieckiej cenzury, co prowadzi do wypracowania w stosunku do nich innych norm cenzury, niż w stosunku do publikacji sowieckich. W artykule zwraca się uwagę na to, że co prawda sowiecka cenzura zabezpieczała zachowanie tajemnic ekonomicznych i państwowych w ZSRS, to jednak nawet w latach 30-ch wymiana informacyjna między ZSRS a światem nie został całkowicie przerwana.

Summary

Fyodor Kuzmich Yarmolich

Censorship and censored in the Soviet Union in the 20s and 30s (on Leningrad's materials)

The article analyzes the interesting aspect of life in the Soviet Union - Relations between the censors and censored. For the analysis of this phenomenon was chosen Leningrad. By this example can be seen as under the influence information field requirements change censorship. Among others censors affirm in a belief that foreign publications will never match the standards of Soviet censorship, which leads to the development in relation to these other standards of censorship than in relation to the Soviet publication. The article draws attention to the fact that although the Soviet censorship took care to keep secret information economical and state in the USSR then even in the 30's exchange information between the USSR and the world has not been a completely interrupted.

